

¹ Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: llbova@ngs.ru

² Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: wolf@archaeology.nsc.ru

СВИДЕТЕЛЬСТВА ДРЕВНЕЙШИХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ В АРХЕОЛОГИИ СИБИРИ (НАЧАЛЬНАЯ СТАДИЯ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА)

Музыкальная деятельность является одной из важных составляющих знакового поведения, характеризующего комплекс культуры человека современного физического типа. Вопрос генезиса и эволюции музыкального творчества, его ранних этапов и распространения музыкальной культуры является дискуссионным в современной археологической литературе. Открытие серии костяных флейт и свистков в раннеориньякских комплексах Европы указывает на существование устойчивых музыкальных традиций уже около 40 тыс. л. н. В археологических коллекциях Сибири, датированных ранней порой верхнего палеолита, находки таких инструментов являются уникальными. Результаты исследования данных изделий свидетельствуют о наличии музыкальных традиций у людей в начале верхнего палеолита, раскрывают сложный и многогранный процесс становления и развития культуры человека современного физического типа в Северной Азии.

Ключевые слова: Западное Забайкалье, верхний палеолит, начальная стадия, знаковое поведение, музыкальное творчество, флейта.

Первые признаки музыкального поведения, становления музыкальных традиций в палеолитическом обществе и определение среди находок древнейших музыкальных инструментов в отечественной археологической практике являются темами практически неразработанными. Музыкальное поведение, музыкальные традиции и использование музыкальных инструментов не являются синонимами, и, весьма вероятно, что поведение, которое мы можем признать как музыкальное, существовало задолго до появления и сохранения его следов в археологической летописи.

Археологической общественности представлены аргументы о существовании музыкальных способностей у ранних форм Homo, в том числе и у неандертальцев [D'Errico et al., 1988; Кожевникова, 2009], но большинство исследователей склонны скептически относиться к этому факту. Открытие серии костяных флейт и свистков в раннеориньякских комплексах Европы (в Бельгии, Франции, Австрии, на юго-за-

паде Германии), имеющих стратиграфическое подтверждение и серию абсолютных дат, указывает на существование устойчивых музыкальных традиций в Европе на рубеже 40 тыс. л. н. [Bulus, Conard, 2009; Conard et al., 2009; D'Errico et al., 2003].

В общей сложности количество находок в Евразии, интерпретируемых как музыкальные инструменты, и в первую очередь, флейты и свистки, ударные, трещотки, идеофоны и т. п., составляет более 230 единиц. Это «Мезинский музыкальный комплекс» на Украине, «неандертальская флейта» из пещеры Дивья Бабе (Divje Babe) в Словении, флейты из Гейссенкльестерле (Geissenklösterle), Холе Фельс (Hohle Fells), Фогельхерд (Vogelherd) в Германии, трещотки и ударные инструменты в Костенках I, идиофоны мадленского времени из провинции Дордонь во Франции и иные известные «археологизированные» древнейшие проявления музыкального творчества.

Несмотря на ряд дискуссионных проблем, уже сегодня на материалах ранней стадии

верхнего палеолита в Северной и Центральной Азии можно достаточно уверенно говорить о проявлении поведенческого комплекса человека современного физического типа с практически полным набором признаков [Mellars, 2005]. В этом контексте находки музыкальных инструментов дополняют сложную картину становления и развития возможных коммуникаций современного человека на этапе становления его культуры. Особый интерес представляют как сами предметы, археологический контекст находок (горизонты обитания, структуры культурного слоя, особенности размещения и т. д.), так и технологии их изготовления. В частности, при раскопках комплекса Хотык в Западном Забайкалье [Лбова, 2000; Лбова, Резанов и др., 2003] был обнаружен фрагмент изделия, которое имеет полные аналогии с музыкальными инструментами из европейских раннеориньякских комплексов.

Для технологического анализа изделий потребовалось его микроскопическое исследование на оборудовании трасологической лаборатории ИАЭТ СО РАН. При общем обследовании применялся бинокляр МБС-10 с односторонним боковым освещением наблюдаемого объекта и с дискретным рабочим режимом увеличения от 16 до 56 крат. При детальном анализе дополнительно использовался специализированный микроскоп МСПЭ-1 с панкратическим зумом от 19 до 95 крат. Макросъемка производилась фотокамерой Pentax WR-43 при освещении объекта по волоконно-оптическим жгутам. Для сравнительного анализа следов на артефакте привлекались материалы Сибирской эталонной коллекции трасологических стандартов. В работе использована терминология, применяемая при экспериментально-трасологических и экспериментально-технологических исследованиях [Волков, 1999]. В результате на артефактах выявлены

как следы производства, так и следы утилизации изделия, в связи с чем важно осветить и археологический контекст находки.

Исследованный нами многослойный комплекс Хотык расположен в бассейне р. Уда (Западное Забайкалье), на правом притоке первого порядка – р. Она. Объект изучался в 1998–2005 гг. [Лбова, 2000; Лбова, Резанов и др., 2003; Лбова и др., 2002]. Описываемая ниже находка приурочена к комплексу артефактов уровня залегания 3, расположенного в средней части разреза, представленного лессовидными супесями и суглинками и датированного в целом каргинским временем (от 25 до 60 тыс. л. н.). Даты по разрезу стратиграфически выдержаны и могут быть оценены как вполне корректные (см. табл.). Непосредственно культурные остатки 3-го уровня вмещены в серовато-коричневую супесь, при высыхании пылеватую, с редким включением дресвы, мелкого щебня и глыб камня. В нижней части слоя наблюдаются ленты черного гумусированного материала, почти горизонтальные, протяженностью до 70 см, толщиной 2–3 см. К описанным лентам и приурочены артефакты и фауна 3-го уровня [Лбова, Резанов и др., 2003].

Коллекции артефактов 3-го уровня демонстрируют определенные различия по технико-типологическим показателям в сравнении с вышележащими и нижележащими уровнями. Основой индустрии является техника параллельного расщепления (подпризматические ядрища, плоскостные нуклеусы с переходом на дополнительный фронт на торце, крупные удлиненные пластины, как основной продукт раскалывания). Эта технология близка по своим особенностям пластинчатой индустрии начала верхнего палеолита Центральной Азии.

Орудийный набор характеризуется сочетанием среднепалеолитических типов орудий, с довольно высоким индексом мустьер-

Абсолютные даты культурного слоя 3 местонахождения Хотык

Дата, л. н.	Лабораторный код	Публикация
2 8770 ± 245	СО АН-5082	Лбова, Резанов и др., 2003; Kuzmin et al., 2006
32 700 ± 1 400	АА-60266	
38 200 ± 2 800	АА-60267	
35 100 ± 1 500	АА-60613	

Рис. 1. Общий вид фрагмента флейты
(длина изделия 45 мм)

ских форм (скребел различных модификаций, остроконечников) и верхнепалеолитических типов орудий (резцы, концевые скребки, долотовидные орудия, проколки) с представительной зубчато-выемчатой группой изделий – своеобразными остриями и остроконечниками, находящими близкие параллели в других хронологически близких индустриях Центральной Азии. В орудийном наборе комплекса уровня 3 Хотыкского местонахождения преобладают варианты обушковых ножей и остроконечников (более одной трети орудийных форм), острийные снятия, типологически близкие к леваллуа с фасетированными площадками; наблюдается наличие зубчатых и выемчатых орудий, единичны резцы и проколки. Практически

во всех случаях на артефактах отсутствует карбонатная корочка, что отличает их от находок комплекса второго уровня.

Планиграфически горизонт обитания выражается в виде скоплений артефактов с четкими границами либо приуроченных к различным структурным элементам (каменным конструкциям). Большой интерес представляет ситуация, зафиксированная в раскопе 2, в контексте которой и обнаружен описываемый ниже предмет. Скопление артефактов и костного материала сопровождалось пятнами разного цвета, большим количеством гематитовой слюды, обычной слюды и дымчатого кварца. Среди предметов, обнаруженных в скоплении, выделены остроконечники (целые и сломанные), скребла, нуклеусы, предметы неутилитарного назначения (подвески, бусины, фрагменты кольца из камня) [Лбова, 2009]. Восточнее, в 2 м от этой зоны, раскопом была выявлена иная оригинальная ситуация, которая может быть обозначена как «захоронение костей животных». Намеренное парциальное захоронение носорога было осуществлено в кладке из небольших плит с засыпкой охрой, сопровождалось изделиями из цветной яшмы, кварца, кости и бусинами-подвесками. Передняя конечность носорога изначально была уложена на довольно большую горизонтальную плиту и впоследствии обложена небольшими плитками. Рядом, в 0,5 м восточнее, была обнаружена лопатка бизона с вырезанным «женским знаком». В описанном случае очевиден результат ритуального поведения, возможно, связанного с продуцирующими обрядами [Там же].

Описываемый ниже предмет был обнаружен в скоплении с неутилитарными предметами. Он представляет собой обломок птичьей кости (возможно, лебедя – определение И. Мликовского, устная консультация). Длина предмета 4,5 см, диаметр не более 0,7 см (кость имеет легкое уплощение). В средней части предмета было намеренно выполнено отверстие подпрямоугольной формы (рис. 1). Трасологический анализ показал, что на артефакте выявлены как следы производства, так и следы утилизации изделия. В частности установлено, что рассматриваемый артефакт представляет собой только фрагмент изначально более крупного изделия, поскольку хорошо заметны следы излома на одном конце предмета.

На основе изучения следов воздействия на поверхность изделия можно сделать уверенное предположение, что образование отверстия производилось в несколько этапов. Изначально было сделано два параллельных углубления в виде каналов, которые привели к прободению кости; в качестве обрабатывающего инструмента использовалась пила [Волков, 1999] с возвратно-поступательным рабочим ходом. Вероятно, вслед за этим было произведено формообразование подпрямоугольного отверстия. Для этого использовался инструмент с узким режущим рабочим краем. Последующим и завершающим этапом работы с изделием в зоне отверстия являлась развальцовка каналов пропиливания с помощью строгального ножа. Движение обрабатывающего инструмента в данном случае являлось односторонне направленным вдоль своей длинной оси и с некоторым наклоном плоскости предполагаемого ножа в сторону отверстия изделия. В качестве предварительного результата обследования можно отметить и две группы рисок, расположенных справа и слева от отверстия, которые, предположительно, можно интерпретировать как разметочные маркеры, наносившиеся на артефакт при его изготовлении (рис. 2).

На поверхности изучаемого предмета выявлены линейные микроследы, образовавшиеся, вероятно, от абразивных частиц. Такого рода царапины определены как следы утилизации, не носящие формообразующего характера для изучаемого изделия. Помимо этого, на поверхности изделия выявлены и следы заполировки. Так, на участке *a* поверхность кости имеет естественный, слегка «шероховатый» характер, на участке *b* (рис. 3, 4) прослеживается заглаженность (заполировка), образующаяся обычно от длительного контакта кости с «мягким органическим материалом», возможно, от контакта с кожей руки человека. Такого же рода заглаженность наблюдается и на бортах углубления канала пропила в зоне отверстия (см. рис. 3).

Уникальность представленных материалов и их археологический контекст не вызывают сомнения специалистов. Основную проблему в данной ситуации представляет вопрос датировок. В условиях специфики отложений, носящих делювиальный характер, и частичной переотложенности слоя,

при наличии дат, полученных в различных лабораториях, мы не имеем точной хронологической позиции предмета. В любом случае присутствует разброс дат от 28 до 38 тыс. л. н. (последние датировки). Следует лишь отметить, что полученные в лаборатории Аризонского университета датировки более компактны и указывают на предел 32–38 тыс. л. н., что хорошо коррелируется с палеопедологическими и палинологическими характеристиками, определяющими культуровмещающий горизонт в пределах эпизода потепления каргинского интерстадиала [Лбова, Резанов и др., 2003; Kuzmin et al., 2006].

Хотыкская находка довольно уверенно идентифицируется как фрагмент флейты, которую можно считать древнейшим музыкальным инструментом, обнаруженным на территории Сибири. Практически полные аналогии обнаруживаются в материалах раннеориньякских слоев Холе Фельс и Фогельферд в Юго-Западной Германии (Швабия) [Bolus, Conard, 2009; Conard et al., 2009]. Так, в пещере Холе Фельс (Hohle Fels) флейты из птичьих костей и мамонтового бивня найдены в слое, возраст которого составляет от 35–36 до 44 тыс. лет (по мнению автора раскопок – Н. Конарда, наиболее вероятный возраст составляет около 40 тыс. л. н.). Флейта, вырезанная из лучевой кости белоголового сипа, была найдена в 2008 г. Длина сохранившейся части 21,8 см, диаметр 8 мм. У флейты пять отверстий для пальцев и два глубоких V-образных выреза на одном конце. Противоположный конец инструмента (длиной несколько сантиметров) не сохранился. Исследователи, по аналогии с более поздними палеолитическими флейтами, предполагают, что из инструмента можно было извлечь не менее пяти нот. В том же слое были найдены и небольшие фрагменты двух других флейт, выточенных из мамонтового бивня. Установлен процесс их изготовления. Так, вначале вырезалась заготовка, которая затем разделялась вдоль на две половинки, в каждой из которых вытачивали желобок; затем обе половинки склеивали [Conard et al., 2009].

Близки по морфологии флейты из двух локтевых костей лебедя, обнаруженные в пещере Гайссенклестерле (Geissenklösterle) в Германии (около 36 800 л. н.). На одной из костей сохранилось 3 отверстия с расстоянием между ними в 30–40 мм; по крайней

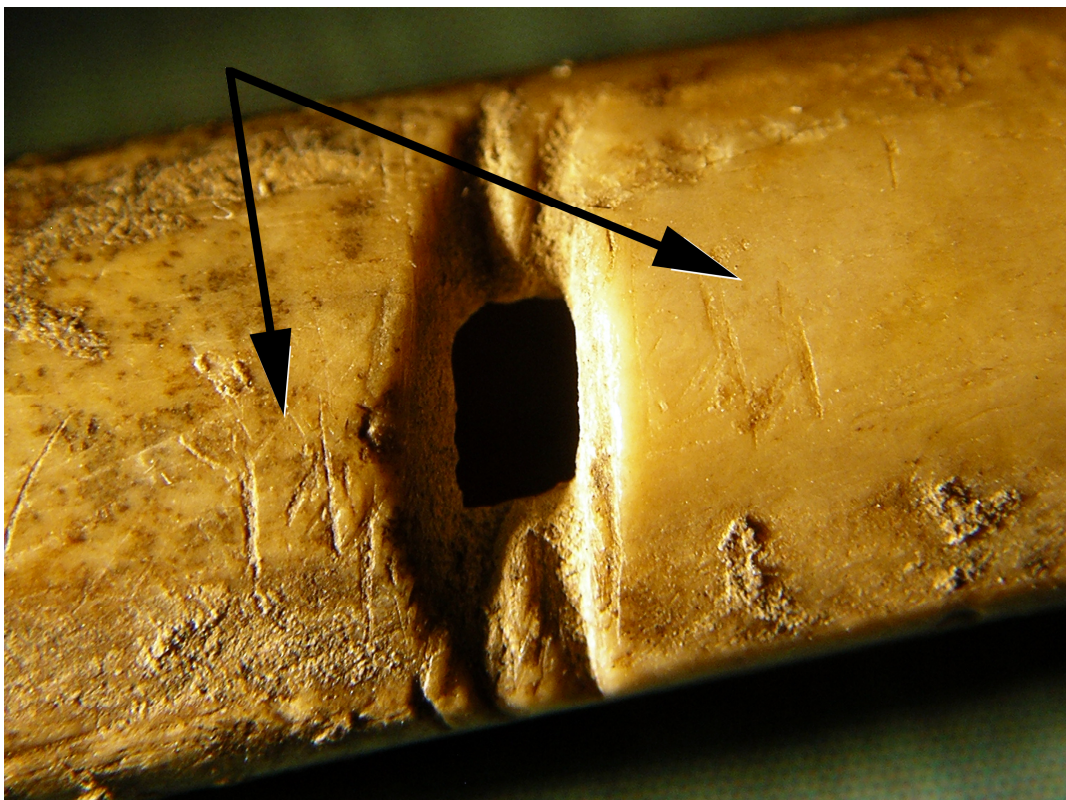

Рис. 2. Разметочные маркеры, наносившиеся на артефакт при его изготовлении (макросъемка, б/м)

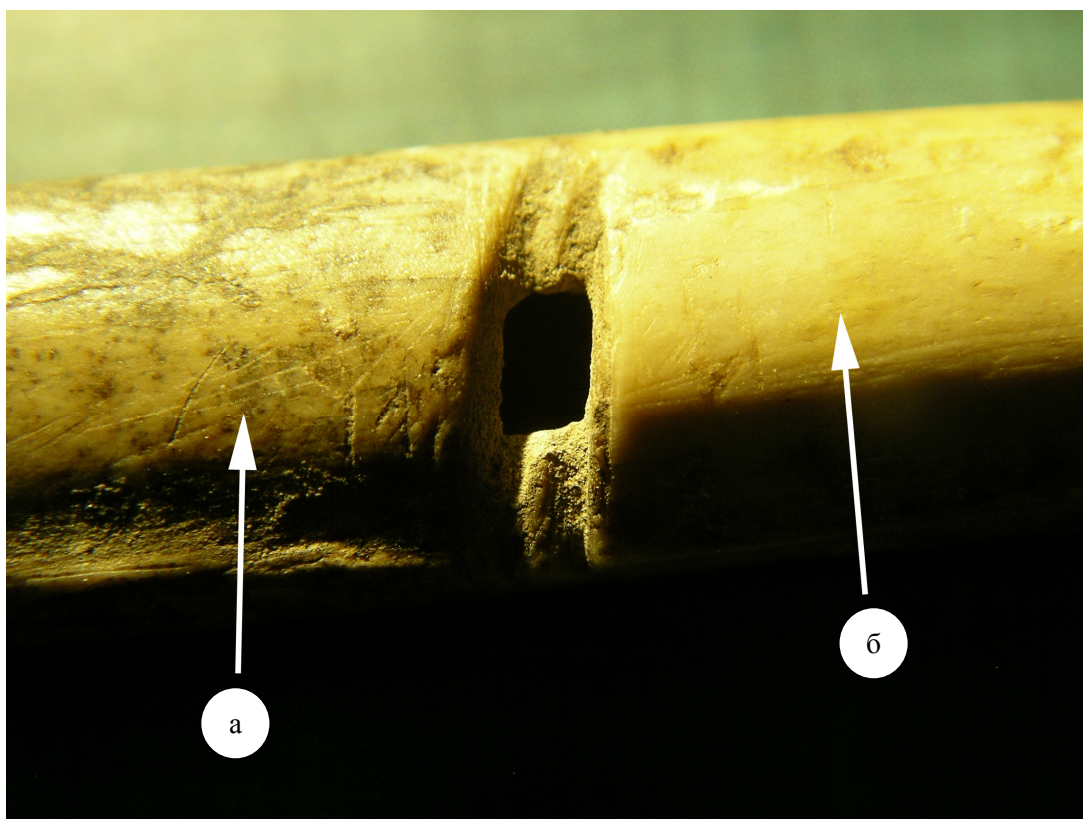

Рис. 3. Естественная поверхность (а) и следы заполировки (б) на поверхности изделия (макросъемка, б/м)

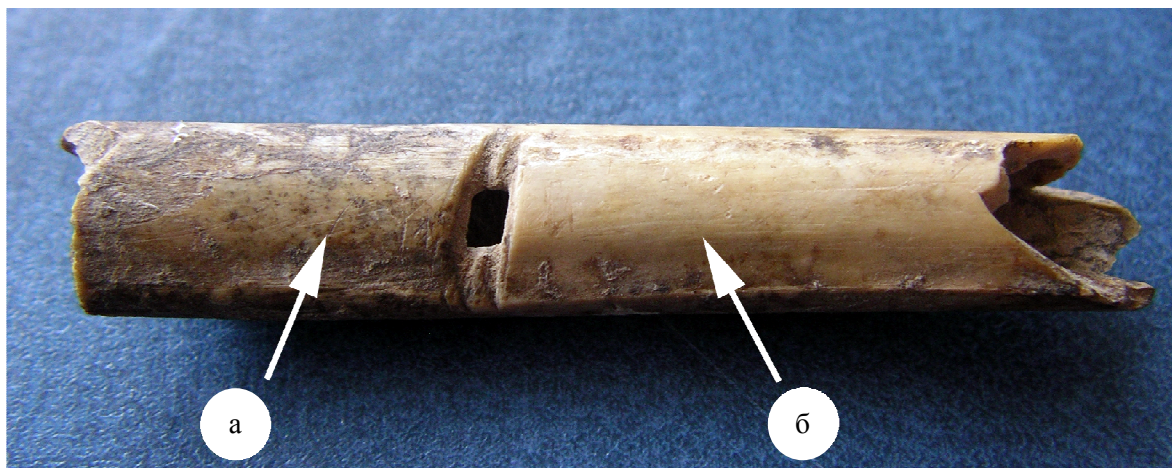

Рис. 4. Естественная поверхность изделия (а) и следы заполировки (б) (общий вид; макросъемка, б/м)

мере, два отверстия имеют коническую форму [Kunej, Turk, 2000]; первоначальная длина составляла 18–19 см, но сохранился лишь обломок длиной в 12 см. Второй образец имеет одно отверстие.

Ранее в ориньякских отложениях юго-западной Германии уже было найдено несколько обломков флейт из птичьих костей и мамонтового бивня. В общей сложности, вместе с новыми находками, описаны фрагменты четырех «птичьих» и четырех «мамонтовых» флейт. Ценность новых находок состоит, прежде всего, в том, что они имеют более точную стратиграфическую привязку – можно с уверенностью сказать, что они были изготовлены в самом начале ориньякской эпохи [Conard et al., 2009].

Самым известным памятником, где найдены подобные музыкальные инструменты, является Истюритц (Isturitz) во французских Пиренеях. Здесь было найдено 17 предметов, интерпретированных как флейты, из них четыре фрагмента (два найдены в ориньякских отложениях, два – в граветских) имеют явные признаки человеческого воздействия – усеченные концы, сглаженные отверстия [D’Errico et al., 2003; Morley, 2003]. Г. Лаусон и Ф. д’Эррико провели полный анализ наиболее полных экземпляров флейт и предположили, что, по крайней мере, две находки из ориньякских слоев пещеры Истюритц были изготовлены для того, чтобы играть на них как на флейтах (они схожи с подобными музыкальными инструментами

в средневековых культурах Европы, Азии и Америки). Предположительно, использовался мундштук из тростника, так как следов заполировки от человеческих губ на кости не обнаружено. На некоторых флейтах обнаружена гравировка, которая на разных инструментах выполнена различными способами и не связана с технической необходимостью. Существует мнение, что подобная маркировка музыкальных инструментов использовалась для хранения и восстановления информации во времени, так называемая искусственная система памяти. По причине отсутствия симметрии в графических изображениях, интерпретации таких знаков в качестве украшений не оправдана [D’Errico et al., 2003].

Большое количество костяных флейт на одном объекте указывает на значительные масштабы совместной музыкальной деятельности, хотя некоторые фрагменты и следует интерпретировать с большой осторожностью, так как флейты из Истюритц имеют разницу во времени в несколько тысяч лет.

Техника изготовления и дизайн флейт показывают, что такие инструменты, даже при датировке в 35 тыс. л. н., должны быть удалены во времени от первоначальных прототипов, как минимум, на несколько технологических этапов. Самая ранняя находка блок-флейты известна в граветских слоях в гроте Гойет (Goyet) в Бельгии. Это изделие из кости длиной 10,5 см с предна-

меренно выполненным «звуковым окном», предназначенным для прямого вдвухания, создающим вибрирующий столб воздуха, необходимого для получения звука [Morley, 2003]. Блок в середине кости сделан из дерева или кости. Подобный случай имеет место и на памятнике Дольни-Вестонице (Моравия).

Из-за небольшого объема находок проблемы генезиса и эволюции музыкального творчества, особенно его ранних этапов, решаются как в русле соответствующей дискуссии в современном палеолитоведении в частности, так и более широко – в сфере истории возникновения знаковой деятельности в целом. Появление музыкальных инструментов, как самых простейших, так и более сложных, развитие музыкальных традиций однозначно характеризуются в качестве признака стратегии поведенческого комплекса человека современного физического типа и связываются с контекстом широкого спектра инноваций в культуре уже на ранней стадии верхнего палеолита.

Следует учитывать, что музыка является как культурным, так и биологическим явлением, и междисциплинарный подход к изучению истоков музыкального творчества позволит привлечь дополнительные источники к решению этой проблемы, а каждый из них, в свою очередь, увеличивает ценность и правомочность сделанных выводов.

Список литературы

- Волков П. В. Трасологические исследования в археологии Северной Азии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. 192 с.
- Кожевникова Д. В. Археологические свидетельства музыкальной деятельности *Homo sapiens* // Историко-культурное наследие: изучение, сохранение и интерпретация. Материалы молодежной археолог. школы / Под ред. Л. В. Лбовой. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2009. С. 63–76.
- Лбова Л. В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. 240 с.
- Лбова Л. В. Признаки символического поведения в культурах начальной стадии верхнего палеолита в Забайкалье // С. Н. Бибииков и первобытная археология / Под ред. С. В. Васильева, Л. В. Кулаковской. СПб.: Изд-во Ин-та истории материальной культуры РАН, 2009. С. 229–232.
- Лбова Л. В., Волков П. В., Базаров Б. А. Семантический аспект находок 3-го уровня памятника Хотык (Западное Забайкалье) // История и культура Востока Азии: Материалы Междунар. науч. конф. / Под ред. С. В. Алкина. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. С. 101–103.
- Лбова Л. В., Резанов И. Н., Калмыков Н. П., Коломиец В. Л., Дергачева М. И., Феденева И. К., Ващукевич Н. В., Волков П. В., Савинова В. В., Базаров Б. А., Намсараев Д. В. Природная среда и человек в неоплейстоцене (Западное Забайкалье и Юго-Восточное Прибайкалье). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. 208 с.
- Bolus M., Conard N. J. What Can We Say about the Spatial-Temporal Distribution of Early Aurignacian innovations // *Eurasian Prehistory*. 2009. No. 5. P. 19–29.
- Conard N., Malina M., Münzel S. New Flutes Document the Earliest Musical Tradition in Southwestern Germany // *Nature Advance Online Publication*. June 25, 2009. Doi: 10.1038 / nature 08169.
- D'Errico F., Villa P., Pinto A. C., Idarraga R. A Middle Palaeolithic Origin of Music? Using Cave-Bear Bone Accumulations to Assess the Divje Babe I Bone «Flute» // *Antiquity*. 1988. No. 72. P. 65–79.
- D'Errico F., Henshilwood C., Lawson G., Vanhaeren M., Tillier A.-M., Soressi M., Bresson F., Maureille B., Nowell A., Lakarra J., Backwell L., Julien M. Archaeological Evidence for the Emergence of Language, Symbolism and Music – an Alternative Multidisciplinary Perspective // *J. of World Prehistory*. 2003. No. 17. P. 1–70.
- Kunej D., Turk I. New Perspectives on the Beginnings of Music: Archaeological and Musicological Analysis of a Middle Paleolithic Bone 'Flute' // Wallin, N. L., Merker B., Brown S. In *The Origins of Music*. Cambridge: MIT Press, 2000. P. 235–268.
- Kuzmin Y. V., Lbova L. V., Jull A. J. T., Cruz R. J. The Middle-to-Upper-Paleolithic Transition in Transbaikalia, Siberia: The Khotyk Site Chronology and Archaeology // *Current Research in the Pleistocene*. 2006. No. 23. P. 23–26.
- Mellars P. The Impossible Coincidence a Single – Species Model for the Origins on

Modern Human Behavior in Europe // Evolutionary Anthropology. 2005. No. 14. P. 12–27.

Morley I. The Evolutionary Origins and Archaeology of Music. Cambridge: Cambridge

Univ., 2003. Darwin College Research Report DCRR-002. 240 p.

Материал поступил в редколлегию 31.05.2010

L. V. Lbova, P. V. Volkov, D. V. Kozhevnikova

**EVIDENCE OF ANCIENT MUSICAL TRADITION IN ARCHAEOLOGY OF SIBERIA
(EARLY UPPER PALEOLITHIC STAGE)**

Music activities are an important part of the sign behavior, characterized by a complex culture of modern physical type. The question of the genesis and evolution of musical creativity, its early stages and distribution of musical culture is controversial in modern archaeological literature. Opening a series of bone flutes and whistles in early Aurignacians complexes in Europe, indicate the existence of stable musical tradition at the 40 thousand years ago. In the archaeological collections dating from the early Upper Paleolithic times in Siberia findings of such tools are unique. The study of such items of musical traditions in the early Upper Paleolithic, reveal a complex and multifaceted process of formation and development of human culture of modern physical type in North Asia.

Keywords: Western Transbaikalia, Upper Paleolithic, the initial stage, symbolic behavior, musical creativity, the flute.